

ЧАК ПАЛАНИК

ПРИМАНКА

Бесцветные истории,
которые раскрасите вы

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ли Бермехо, Кирби Фаган, Данкана Фегредо, Тони Пуриара,
Алисе Глушковой, Марка Шеффа, Стива Морриса, Жоэль Джонс

РИСУНОК НА ОБЛОЖКЕ — Данкан Фегредо
ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ — Нейт Пикос из *Blambot*®

Издательство АСТ
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Совместный проект 5

Весь отец 7

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛИ БЕРМЕХО

Литературный призрак . . 89

ИЛЛЮСТРАЦИИ АЛИСЕ ГЛУШКОВОЙ

Секретность 22

ИЛЛЮСТРАЦИИ КИРБИ ФАГАН

Приманка 104

ИЛЛЮСТРАЦИИ МАРКА ШЕФФА

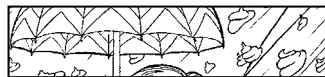
Посмотрим, что будет. . 41

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДАНКАНА ФЕГРЕДО

Черный пиар 118

ИЛЛЮСТРАЦИИ СТИВА МОРРИСА

Чепуха 71

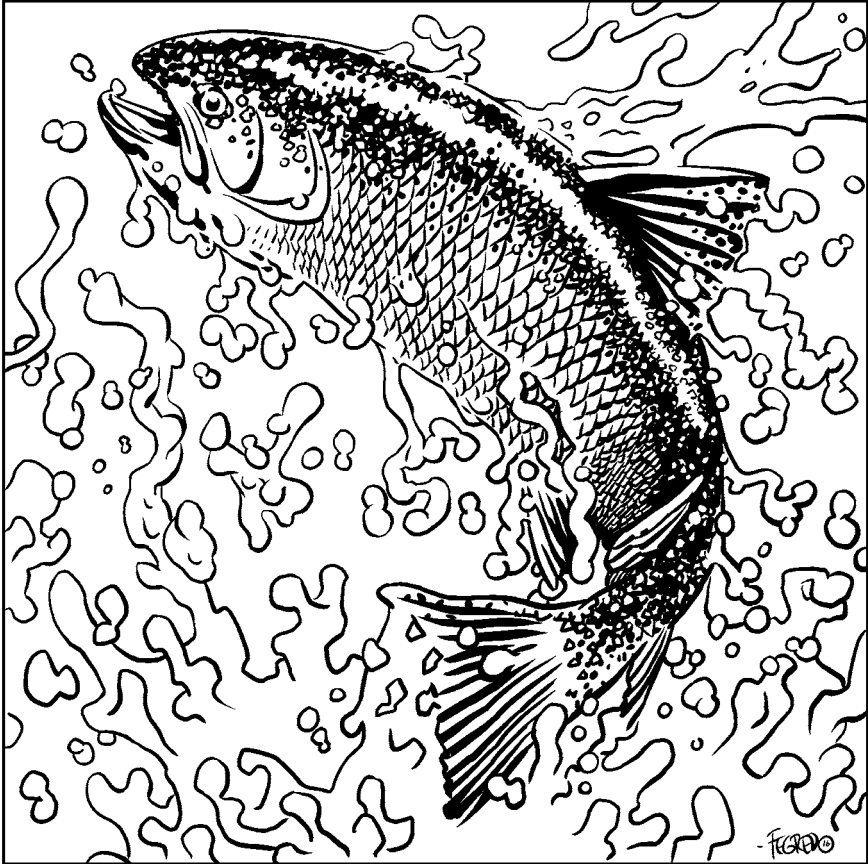
ИЛЛЮСТРАЦИИ ТОНИ ПУРИАРА

Спасение 134

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЖОЭЛЬ ДЖОНС

Предисловие

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ

Мой дедушка умел рисовать. Он в мгновение ока изображал любого мультгероя. Моя мама в юности заполняла альбом за альбомом карандашными и угольными набросками. Моя сестра первой из нашей семьи поступила в колледж и хотела изучать искусство, но родители настояли, чтобы она выбрала более прикладную специальность, а именно социологию, поэтому в итоге она стала агентом по продаже недвижимости. Я же в детстве ходил в местную забегаловку «У Роя», которая работала по системе шведского стола, и приносил домой бумажные сервировочные салфетки с картинками, раскрасив которые можно было выиграть плюшевого осьминога. Из всех этих рисунков, набросков, самодельных открыток на День Матери и раскрасок сегодня ничего не сохранилось. Нет даже осьминога.

Суть такова: вещи уходят. Если им нет применения, они обречены.

То же самое и с раскрасками. Их продают, чтобы каждый мог творить искусство, но бумага есть бумага... Так почему бы не позвать группу известных на весь мир художников и не предложить им проиллю-

стрировать сборник рассказов? Давайте напечатаем книгу в добротном переплете, которую можно будет поставить на полку, чтобы следующее поколение однажды раскрыло ее и с удовольствием прочитало.

Само собой, нужно много всего учесть. Краска просачивается сквозь бумагу, так что лучше всего использовать цветные карандаши или мелки. Если вы все же решите рисовать фломастерами, подложите под страницу водонепроницаемый листок, чтобы чернила не испортили следующую. Акварель и другие краски используйте на свой страх и риск.

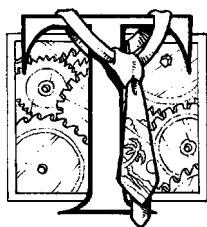
Эту книгу начали мы. Вам ее заканчивать. Она станет частью будущего.

Быть может, рисунки художников, ваши цвета и мои рассказы дадут нам шанс создать что-то долговечное. Что-то, что захочется сохранить.

A handwritten signature in black ink, reading "Chuck Johnson". The signature is written in a cursive, flowing style with a long horizontal stroke at the end.

ВЕСЬ ОТЕЦ

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛИ БЕРМЕХО

а авария должна была выглядеть так, будто в нее попал чей-то еще отец. Отец-идиот. Настоящий растяпа. Не наш отец, который, стоило войти к нему в мастерскую, сразу же сообщал тебе первый урок ремесленной школы: никогда не наклоняйся над работающим двигателем, не подобрал свой галстук. Даже если ты приходил к нему в мастерскую уже в миллионный раз. Таков был тот отец, тот дотошный отец, который вечно работал, работал, работал и никогда не останавливался нюхнуть кокаина. Такого отца и нужно представить.

Все детали должны были указывать, что этот отец просто ехал по проселочной дороге, что этот отец просто любовался зимним пейзажем. Это был отец, который наслаждается простыми прелестями жизни, отец, который не прочь понаблюдать, как сохнет краска. Этот отец вел машину, положив руки на три и девять часов на руле, и тут вдруг бац! Он услышал звук, который могут издавать толкатели поршней,

отец, непревзойденный шлифовальщик цилиндров и курильщик «Мальборо», который все спрашивал: «Когда ты в последний раз заливал тормозную жидкость?» Он свернул на заснеженную обочину, и, само собой, на нем были костюм и галстук, это ведь отец, он, как всегда, ехал домой после визита к онкологу. Отец оставил двигатель включенным, отец вышел из машины. Зная отца, совершенно ясно, что отец снял пиджак и повесил его на спинку переднего сиденья, ведь это *так* по-отцовски, а потом закатал рукава рубашки. Что характерно, этот отец, наш ребята-вы-только-взгляните-на-этот-снег-отец, запрокинул голову и вдохнул всей грудью, которая полна лучшего в жизни. Дул прохладный ветерок, солнце было наполовину скрыто за тяжелыми облаками. Наш отец вечно твердил мне снимать толстовку перед исполь-

зованием циркулярной пилы, ведь завязки капюшона болтаются, как хотят, и только представь, что может случиться, предупреждал отец, если они зацепятся за пилу и притянут тебя лицом прямо к лезвию, и ты весь остаток жизни будешь похож на грубо залатанное чудовище Франкенштейна — если вообще выживешь.

Но поддельный отец готов был живописать пейзаж, говорить, что снег — это упавшая на землю замерзшая радуга, в которой отражается жженная умбра его машины. Ключки серой грунтовки. Его васильковая рубашка. И каждой порхающей снежинки касается луч солнца, рождая миллионы прозрачных цветов, которые нам кажутся белым.

Наш настоящий отец щеголял неизменным фермерским загаром, его мумифицированные руки и обломанные, с черными ободками ногти были словно привиты к белым, как снег, запястьям и рукам. Его предплечья покрывал секретный язык татуировок: серовато-зеленые драконы и окровавленные кинжалы, не хипстерские «рукава», а старый флэш-арт со времен его службы на Окинаве. Рыжие розы извивались вокруг вишневых девочек в стиле пинап. И тайны их он готов был унести с собой в могилу.

И еще его галстук, такой и унаследовать не захочешь: вручную разрисованный, он достался ему от отца: фисташковые пальмы и ярко-желтая луна над Майами-Бич: его потерю никто не стал бы оплакивать.

Тот фальшивый отец, который всегда искал светлую сторону и который умер в итоге, он не был нашим отцом, который говорил никогда не махать руками из окон движущейся машины, вспоминая Айседору Дункан, отец, самую прекрасную и самую успешную танцовщицу своего времени, отец, которая однажды села в родстер «Бугатти», в спортивную машину с открытым верхом, в Ницце, во Франции, и по-

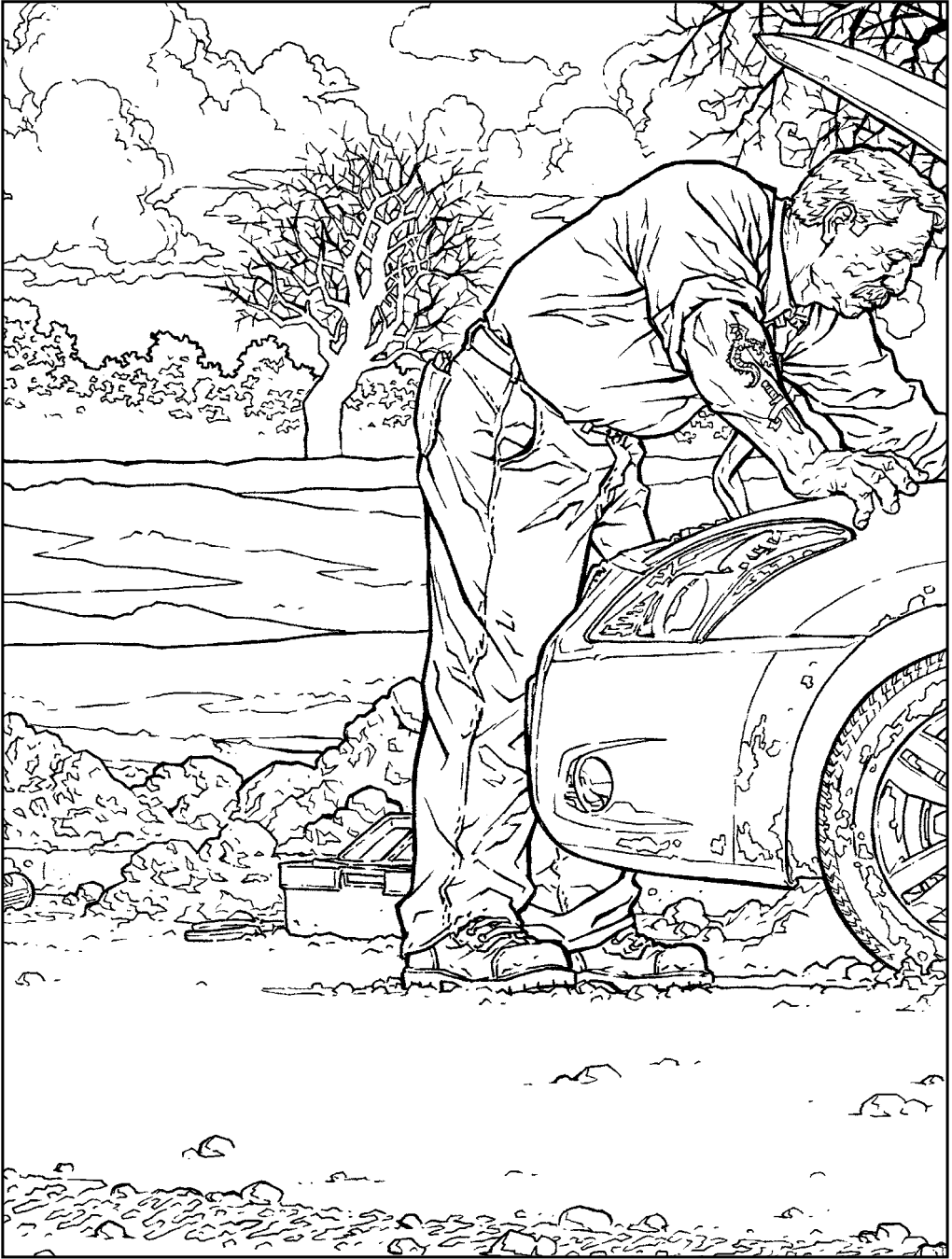

махала провожающим ее друзьям: «Прощайте, мои дорогие, я еду к славе!», думая, что она просто прокатится в компании симпатичного механика. Отец не упустил случая в подробностях описать, как Айседора Дункан обернула вокруг бледной шеи длинный шелковый шарф и как отпустила его конец, оставив его развеяться на ветру. Как картинно, говорил отец, как беспечно, ведь этот свободный конец намотался на спицы заднего колеса и сломал ее лебедию шею, и расшитый шелковый шарф, говорил отец, выдернул ее тело из открытой машины и потащил ее, кричащую, а затем мертвую, по булыжной мостовой на глазах у друзей, с которыми она только что попрощалась. Таков был отец, для которого стакан всегда был наполовину полон ядом, и в этом рассказе весь он.

В тот день, о котором идет речь, отец был сам не свой. Он припарковался на обочине проселочной дороги, открыл капот. Капот машины — не капюшон толстовки, из-за которой лицо какого-нибудь тупого подростка может оказаться надвое распиленным циркуляркой. Сунув голову в моторный отсек, верный себе, отец не мог не заметить, что вентилятор не закрыт кожухом. Не хватало щитка из стеклопластика, такого кожуха, который защищает всяких глупцов от вращающихся, острых как бритва лопастей, да, отец бы точно заметил, что его не хватает. Такую деталь может упустить полицейский, приехавший на место аварии, или судмедэксперт, но не отец. Алюминиевые лопасти вентилятора не вращаются, объяснил бы отец, потому что на улице прохладно, это ведь был наш отец, который получил в училище квалификацию автомеханика и никогда никому не позволял об этом забыть. Это был отец, который говорил: «Так с велосипедом не обращаются», — и велел надеть кожух обратно на цепь, потому что мир для отца состоял из ревуших пе-

редач и звездочек, которые так и ждут, чтобы тяпнуть какого-нибудь тупицу. Наш отец никогда бы в здравом уме не наклонился над работающим автомобильным двигателем, даже в январе, когда злосчастный вентилятор не крутился, только не отец, ведь его галстук так и напрашивался на неприятности. Только не отец, который прекрасно знал предел прочности шелка.

Отец чувствовал зимнее солнце у себя на спине, отец склонился над двигателем, отец замер в ожидании расплаты, отец приготовился к встрече с кармой и физикой.

Никто не сказал полиции, отец, никто даже не упомянул, отец, что Айседоре Дункан было пятьдесят лет, что она была потрепанной пятидесятилетней танцовщицей, которая тянула деньги из богатых женатых любовников, отец, которая повязала шарф себе на шею, отец, так туго обхватила им свою лебединую шею, а затем произнесла поистине висельную речь, «Я еду к славе», отец, как много элегантных жестов, прежде чем отбросить остаток своей жизни, как будто сделав срежиссированную ошибку.

Отец удивлялся, что даже умные люди умирают по-глупому. Особенно отец любил вспоминать о Теннесси Уильямсе, лауреате Пулитцеровской премии, любимце Бродвея, всегда восклицал отец, который создал «Трамвай “Желание”», «Внезапно, прошлым летом» и «Стеклозверинец». Судя по тому, как отец всегда описывал его, Теннесси Уильямс был умнее десятка любых обычных людей, вместе взятых. Истинный книжный червь, Теннесси Уильямс вечно страдал от сухости глаз и, если верить отцу, капал в них специальные капли. Бедный Теннесси Уильямс. Отец утверждал, что даже сухость в глазах убивает — гений ты или нет, — если не быть достаточно внимательным, отец. Теннесси Уильямс, например, открутил

колпачок своего «Визина», зажал его в зубах и запрокинул голову, чтобы капнуть по очереди в каждый глаз. Отец полагал, что Уильямс делал так всю жизнь, пока, находясь в одиночестве в гостиничном номере, не икнул или не кашлянул или просто не забыл, что у него в зубах колпачок «Визина», и не позволил ему упасть прямо в горло, откуда его было уже не достать, по крайней мере, не в одиночку. Отец утверждал, что один-единственный промах может убить тебя точно так же, как Айседора Дункан задохнулась на глазах у целой толпы. Нет, тот отец, тот беспокойный отец, отец-пессимист, точно знал бы, что галстук может зависнуть в воздухе, как дамоклов меч, и незаметно скользнуть меж лопастей неработающего вентилятора.

Тот конкретный отец прожужжал бы тебе все уши о том, что машине все равно, что рубить, хоть мясо, хоть живую плоть. Зная отца, можно с уверенностью сказать, что он бы просунул галстук между пуговиц рубашки, как военный, как солдат, который понимает, что не стоит позволять ему развеяться на ветру в стиле Айседоры Дункан и ждать, пока его зацепит пролетающей мимо гранатой или сбрасываемой на территорию врага атомной бомбой. Нет, отец, наш отец, точно развязал бы галстук и сунул его в карман пиджака, который он повесил на спинку переднего сиденья. Таков уж был наш отец, он не верил в удачу. Тот же самый отец утверждал, что смерть большинства людей уже спланирована, просто они об этом не знают. Тот отец никогда не оставлял бак наполовину полным, боясь, что твердый осадок проникнет в систему подачи топлива и исцарапает поршневые кольца, которые ему все равно что члены семьи.

Не то чтобы отца можно было укорить в слишком большой привязанности к семье. По крайней мере, к собственной семье он привязан не был — и меньше всего к трем своим детям, отец, особенно в последнее время. Наш отец за рождественским ужином заявил, что Карла слишком толстая и неряшливая, чтобы найти мужа, отец, да и мозги у нее выдающимися не назвать, а потом свалил свою несдержанность на побочный эффект обезболивающих, которые регулярно принимал. За тем же ужином тот отец сказал, что Марк не оказался бы в ночлежке, не штампуй он детей с каждой наркоманкой, которая попадалась ему под руку, а еще, с глазу на глаз, отец добавил, что Патрик лентяй и трус, который даже полугодом в техническом училище не выдержал. Отец, с Рождеством, отец, он никогда ничего не говорил, кроме предостережений, чтобы мы не лезли к горячим духовкам и оголенным

проводам, но взгляд его глаз был куда хуже слов. Отец. Наш отец. Отец, который не верил во вторые шансы. В его глазах читалось: будь настороже! Его глаза понимали, что рак убьет его детей, отец, задолго до того, как убить его самого.

В канун Нового года тот отец, тот отцовский рак, убил маму. Из-за лекарств отец говорил все, что приходило ему на ум. Он назвал жену коровой, отец, назвал коровой мать своих детей, отец, сказал, что она повесила ему на шею трех отпрысков, тупых, как бревно, отец, хотя другие дети ступали по Луне и становились президентами Соединенных Штатов, отец, а теперь он глотал таблетки, запивая их шампанским, отец, и Карла говорила: «Отец, это ведь “Демерол”», отец, он называл маму «шлюха» и «свиноматка», отец, шипя слова сквозь стиснутые зубы, как сквозь спускной клапан перегретого радиатора. Отец брызгался ядом, плевался желчью. Отец взывал к небесам, отец запрокидывал голову, смотрел сквозь потолок столовой, смотрел сквозь крышу, отец воздевал руки, в плаче, в мольбе, отец спрашивал: «Боже, — отец, — за что ты, — отец, — послал мне таких тупых детей?»

Хотел ты этого знать или нет, отец всегда объяснял, что вентилятор вращается только тогда, когда температура блока достигает 156 градусов по Фаренгейту¹. Когда едешь быстрее 35 миль в час, говорил отец, воздуха, который на скорости влетает в решетку радиатора, вполне достаточно, чтобы охладить хладагент. Отец, настоящий эксперт по вискомуфтам вентиляторов, отец рассказывал о том, что силиконовая жидкость может отправить тебя в кому, которая все равно что смерть, и эта силиконовая жидкость содержится в маленьком резервуаре, а без вплеска этой жидкости вискомуфта не заработает, бубнил отец снова и снова,

---

¹ 69 градусов по Цельсию.

пока не установится такая-то температура. Но в этот момент, утверждал отец, уже поздно. Отец говорил, что нет никакого предупреждения. Никакого звончка. Никакого второго шанса. Когда муфта начинает работать — тут отец пожимал плечами, чтобы показать свою беспомощность, — острые как бритва лопасти вентилятора разгоняются на полную.

Никто не говорил, отец, что ты наклоняешься в толстовке над циркулярной пилой, отец, чтобы тебе надвое раскроило лицо.

Поэтому, отец, на спланированную аварию это походить не могло. Он наклонился над работающим двигателем, отец, его галстук так и напрашивался на неприятности, а живот самоубийственно приблизился к железным лопастям, которые готовы были сорваться с места. Отец должен был предстать идиотом, отец должен был получить наказание, отец должен был убедиться, что его жизнь стала уроком. Отец, наш отец, должен был умереть самой глупой смертью, какую только мог себе вообразить.

Карла свалила бы все, отец, на алкоголь у него в крови, отец, и на его болеутоляющие, а Марк сказал бы, что всему виной побочные эффекты химиотерапии, ведь иначе отец никогда бы не нарушил заповедей ремесленного училища. Двигатель работал, отец, его тело отбрасывало тень, в которой температура держалась ниже 156 градусов, отец, ему не о чем было волноваться, если только солнце не вылезет из-за тучи, бедный отец, пока он толстым ногтем большого пальца пытался отвернуть шуруп, которым регулировался тихий ход, отец, как баран, шел на бойню, отец склонился еще ниже, отец навис над двигателем, который вскоре превратится в мясорубку. Отец был сам не свой, не тот человек, который не захотел бы, чтобы какой-нибудь судмедэксперт копался в такой,

